

Е. Чарушин

КОТ ЕШИФАН

ДЕТГИЗ 1948

Е. ЧАРУШИН

К О Т

Е П И Ф А Н

РИСУНКИ АВТОРА

из книг
домашней
редакции

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1948 Ленинград

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

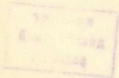
Ответственный редактор *Г. Градников*

Худож.-редактор *А. Авресская*

Технич. редактор *Н. Сурганова*

Корректор *А. Петрова*

Печ. л. 1. Уч.-изд. л. 0,06. Алт. л. 0,41.
Тираж 75000. М., 105084. Подписано
в печать 14.V-1968 г. Заказ № 769.
3-я фабрика детской книги Детства
Машиностроительского Промышленного РСФСР,
Новосибирск, 3-я Советская, 7.

КОТ ЕПИФАН

Хорошо и привольно на Волге-реке!

Посмотри, ширина-то какая! Другой берег еле видно! Блестит эта живая, текучая вода. И всё небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и куличики, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и самолёт, на котором человек куда-то летит по своим делам, и белые пароходы с чёрным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе.

Посмотришь на это текучее море, посмотришь на облака ходячие, и кажется тебе, что и берега тоже куда-то идут—тоже ходят и двигаются, как и всё кругом.

Вот там, на Волге, в землянке, в самом волжском берегу—в крутом обрыве, живёт сторож-бакенщик. Посмотришь с реки—увидишь только окно да дверь. Посмотришь с берега—одна железная труба торчит из травы. Весь дом у него в земле, как пещерка такая.

По Волге день и ночь плывут пароходы. Пыхтят буксиры, дымят, тянут на канатах за собой баржи-беляны, везут разные грузы или тащат длинные плоты.

Медленно поднимаются они против течения, шлёпают по воде колёсами. Вот идёт такой пароход, везёт яблоки — и запахнет сладким яблоком на всю Волгу. Или рыбой запахнет, — значит, везут воблу из Астрахани.

Бегут почтово-пассажирские пароходы, одноэтажные и двухэтажные. Эти плывут сами по себе. Но быстрее всех проходят двухэтажные скорые пароходы с голубой лентой на трубе. Они останавливаются только у больших пристаней, и после них высокие волны расходятся по воде, раскатываются по песку.

Старый бакенщик около мелей и перекатов расставляет по реке красные и белые бакены. Это такие пловучие плетёные корзины с фонарём наверху. Бакены показывают верную дорогу. Ночью старик ездит на лодке, зажигает на бакенах фонари, а утром тушит. А в другое время старик-бакенщик рыбачит. Он завязанный рыбак.

Однажды старик рыбачил весь день. Наловил себе рыбы на уху: лещей, да подлещиков, да ершей. И приехал обратно. Открыл он дверь в землянку и смотрит: вот так штука! К нему, оказывается, гость пришёл! На столе рядом с горшком картофеля сидит большущий пушистый кот. Тигровой масти.

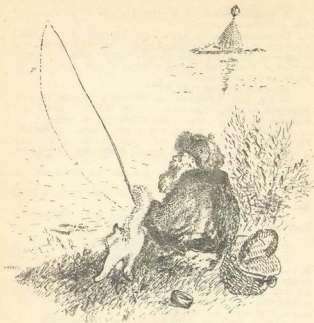
Гость увидал хозяина, выгнул спину и стал тереться боком о горшок. Весь свой бок испачкал в саже.

— Ты откуда пришёл, из каких местностей?

А кот мурлычет и глаза щурит и ещё больше себе бок пачкает, натирает сажей. И глаза у него разные. Один глаз совсем голубой, а другой совсем жёлтый.

— Ну, угощайся, — сказал бакенщик и дал коту ерша.

Кот схватил в когти рыбку, поурчал немного и съел её. Съел и облизывается, — видно, ещё хочет.

И кот съел ещё четыре рыбки. А потом прыгнул на сенник к старику и задремал. Развалился на сеннике, мурлычет, то одну лапу вытянет, то другую, то на одной лапе выпустит когти, то на другой. И так ему, видно, тут понравилось, что он остался совсем жить у старика.

А старик-бакенщик и рад. Вдвоём куда веселее. Так и стали они жить.

Бакенщику не с кем было раньше поговорить, а теперь он стал разговаривать с котом, назвал его Елифаном. Не с кем было раньше рыбу ловить, а теперь кот стал с ним на лодке ездить. Сидит в лодке на корме и будто правит.

Вечером старик говорит:

— Ну, как, Елифанушка, не пора ли нам бакены зажигать, — ведь, пожалуй, скоро темно будет? Не зажжём бакены — сядут наши пароходы на мель.

А кот будто и знает, что такое бакены зажигать. Ни слова не говоря, идёт он к реке, залезает в лодку и ждёт старика, когда тот придёт с вёслами да с керосином для фонарей.

Съездят они, зажгут фонари на бакенах — и обратно.

И рыбачат они вместе. Удит старик рыбу, а Елифан сидит рядом.

Поймалась маленькая рыбка — её коту. Поймалась большая — старику на уху.

Так уж и повелось.

Вместе служат, вместе и рыбачат.

Вот однажды сидел бакенщик со своим котом Елифаном на берегу и удил рыбу. И вот сильно клюнула какая-то рыба. Выдернул её старик из воды, смотрит: да это жадный ершишка заглотил червяка. Ростом с мизинец, а дёргает, как большая щука. Старик снял его с крючка и протянул коту.

— На, — говорит, — Елифаша, пожуй немножко.

А Елифаши-то и нет.

Что такое, куда девался?

Потом видит старик, что его кот ушёл далеко-далеко по берегу, белеется на плотках.

„С чего это он туда пошёл, — подумал старик, — и что он там делает? Пойду взгляну“.

Смотрит, а его кот Елифан сам рыбу ловит. Лежит пластом на бревне, опустил лапу в воду, не шевелится,

даже не моргает. А когда рыбёшки выплыли стайкой из-под бревна, он — раз! — и подцепил когтями одну рыбку.

Очень удивился старик-бакенщик.

— Вот ты какой у меня ловкач, — говорит, — ай да Елифан, ай да рыбак! А ну, поймай-ка мне, — говорит, — стерлядку на уху, да пожирнее.

А кот на него и не глядит.

Рыбку съел, перешёл на другое место, снова лёг с бревна рыбу удить.

С тех пор так они и ловят рыбу: врозь — и каждый по-своему.

Рыбак снастями да удочкой с крючком, а кот Елифан лапой с когтями.

А бакены вместе зажигают.

ДРУЗЬЯ

Однажды лесник расчищал в лесу просеку и высмотрел лисью нору.

Он раскопал нору и нашёл там одного маленького лисёнка. Видно, лисица-мать успела остальных переташить в другое место.

А у этого лесника уже жил дома щенок. Гончей породы. Тоже ещё совсем маленький. Щенку было отроду один месяц.

Вот и стали лисёнок и щенок расти вместе. И спят они рядышком, и играют вместе.

Очень занятно они играли! Лисёнок лазал и прыгал, как настоящая кошка. Прыгнет на лавку, а с лавки на стол, хвост задерёт трубой кверху и смотрит вниз.

А щенок ползает на лавку — хлоп! — и упадёт. Лает, бегаёт вокруг стола целый час. А потом лисёнок спрыгнет вниз, и оба лягут спать.

Поспят-поспят, отдохнут и снова начнут гоняться друг за другом. Щенка звали Огарок, потому что он был весь рыжий, будто огонь. А лисёнка лесник назвал Васькой, как кота: он лаял тоненьким голоском, — будто мяукал.

Всё лето щенок и лисёнок прожили вместе и к осени оба выросли. Щенок стал заправским гончаром, а лисёнок оделся в густую шубу. Лесник посадил лисёнка на цепь, чтобы он не убежал в лес. „Подержу, — думает, — его на цепи до середины зимы, а потом продам его в город на шкурку“.

Ему жалко было самому стрелять лису: уж очень она была ласковая. А с гончим Огарком лесник ходил на охоту и стрелял зайцев.

Вот однажды вышел лесник утром покормить лису. Глядит, — а у лисьей будки одна цепь и рваный ошейник. Убежала лиса.

„Ну, — подумал лесник, — теперь мне не жалко тебя застрелить. Видно, не бывать тебе ручным зверем. Дикарь ты, дикарь. Найду в лесу и застрелю как дикую“.

Вызвал он своего Огарка, снял с полки ружьё.

— Ищи, — говорит, — Огарко. Ищи своего приятеля. — И показал следы на снегу.

Огарок залаял и побежал по следу. Гонит, лает, — по следу идёт. И ушёл он далеко-далеко в лес, еле его слышно.

Вот он и совсем замолк.

А вот снова сюда идёт, — лай всё ближе, ближе. Лесник спрятался за ёлку на опушке, взвёл курки на ружьё.

И вот видит: выбежали из лесу разом двое. Лиса и собака. Собака лает и повизгивает. И бегут они по белому снегу рядышком. Как настоящие приятели —

плечо к плечу. Вместе кочки перескакивают, друг на друга смотрят и будто улыбаются. Ну как тут стрелять? Ведь собаку убьёшь!

Увидали звери лесника, подбежали. Васька прыгнул к нему на плечи, а пёс встал на задние лапы, упёрся в грудь хозяину и хамкает и ловит шутя лисий хвост.

— Эй вы, чертенята! — сказал лесник. Спустил курки на ружье и вернулся домой.

И так жила лиса у него в избе всю зиму — не на цепи, а просто так.

А весной стала уходить в лес — мышей ловить.

Ловила-ловила, да и осталась в лесу совсем.

А гончий Огарок с тех пор не гонит лисиц. Видно, все лисицы ему стали друзья.

СВИНЬЯ

Знаешь ли ты, как делают деревянные ложки?
Вот как.

Сначала осину или берёзу распилят на коротенькие полешки, потом полешки колют на баклуши, а потом теслом теслят — долбят ямку в ложке. А потом уж острым ножом состругивают лишнее и ровняют.

Коры и стружки от этой работы получается прямо горы.

У меня есть знакомый ложечник Егорыч. Он делает прекрасные ложки. И простые осиновые, и берёзовые „с красотой“, как он говорит. Такая ложка „с красотой“, верно, очень красива. Черенок у этой ложки не простой, а фигурный. Это или рыбка с хвостом и перьями-плавниками, или птичка, или узорный — замысловато вырезан.

Егорыч — бобыль. У него никого нет на свете. Живёт он один и каждую весну уходит глубоко в лес. Живёт там в землянке у озера и стругает свои ложки. Съестное Егорыч в свою землянку завезёт ещё по снегу зимой, потому что летом по болотам трудно добраться.

Весной в лесу есть и своя еда — лесная. Весной ёлка цветёт. На еловых лапах растут красные столбики. Их можно есть. Бывает сосновый и еловый огурец.

Между старой, твёрдой корой и древесиной — слой

молодого дерева. Этот слой отдирается пластами. Прозрачный и, верно, хрустит на зубах, как огурчик.

А у болот растут хвощи. Это такая трава, похожая на ёлочки. В наших краях хвощи зовутся пестами. Потому что хвощ похож на пестик. Он ещё не распустился в ёлочку и торчит из земли столбиком. Эти песты надо собрать, посолить и зажарить в масле на сковородке. Получается очень вкусно. Похоже на печёнку.

Я охотился в этих лесах и завернул к Егорычу переночевать.

Егорыч мне обрадовался, подарил самую красивую ложку, у которой на черенке была вырезана рыба-щука, а сама ложка расписана цветами.

Угостил меня чайком да жареными пестиками. И рассказал интересную историю.

— Вот, слушай, — сказал мне Егорыч, когда мы закурили после чаю махорку и разлеглись в землянке на сенниках. — Нынче весной пришлось мне много сделать ложек. Щепок да стружек осиновых, наверно, воза два я свалил у озера. Я это к тому говорю, что, не будь этой стружки, ничего бы не случилось.

Сижу я как-то вечером в землянке и стругаю ложки. Хотел закурить, чиркнул спичкой... Вдруг как затрещат сучья в лесу. Видно, какой-то зверь убежал.

А ночью на рассвете слышу: кто-то ходит. Осторожно ходит у землянки. То веточка хрустнет, то камушек покатится.

„Ну, — думаю, — не злой ли человек пришёл, бродяга, а может — медведь?“

Взял я топор в руки и вышел. Никого нет.

Вторую ночь опять кто-то ходит.

Чурбашки мокли в корыте. Чурбашки, слышу, застучали, и вода заплескалась, а потом по берегу озера зачавкали ноги по сырой земле.

И всю ночь кто-то ходил.

Вот я утром встал раненько и смотрю: на берегу озера следы, ну совсем такие, будто свинья ходила.

Я хоть и не охотник, но вижу: два копытца есть на каждой ноге. Ну, раз свинья, так свинья пускай ходит. Только удивительно, думаю, как это свинья зашла так далеко в лес. Ведь от деревни до меня двенадцать километров. Наверно, голодная эта свинья. Надо, думаю, её в сарай на ночь запереть. Волков, правда, у нас нет, но медведь бродит.

Выстроил загородку и приделал западню: как свинья войдёт в хлев, ступит ногой на доску, тут сзади неё двери и закроются.

Я положил в этот сарай два ломтя хлеба и поставил кадушку с пойлом.

Ну, думаю, моя сейчас свинья!

Этой ночью опять свинья бродила вокруг землянки, опять зачем-то пила горькую воду из корыта, где мокли осиновые чурбашки.

Ходила свинья вокруг да около, а в сарай и не заглянула.

Тогда я днём набросал хлеба у сарая, кусочек к кусочку. Сделал хлебную дорожку от корыта до сарая. Сосчитал, так вышло тридцать четыре хлебных кусочка.

„Ну,—думаю,—уж сейчас-то непременно зайдёт свинья в сарай. Будет кусочек за кусочком подбирать и попадётся“.

Наутро смотрю: в сарае никого нет, а кусочков стало меньше—двадцать девять штук.

Вот ночью слышу: хрустит свинья как раз у окошечка, что-то жуёт.

Я потихоньку выглянул и вижу: да ведь это не свинья! Это кто-то большеголовый, на длинных ногах, ростом с жеребёнка.

Пригляделся и узнал: это лосёнок.

А лосёнок наклонился над колодой с горькой водой и пьёт, причмокивает, потом взял в губы кусок горькой осиновой коры и стал жевать.

Эх, вот бы мне его поймать!

Я немного высунулся и стал причмокивать губами, звать его.

Потихоньку-потихоньку, чтоб не напугать.

Насторожил тут уши лосёнок. Посмотрел ко мне в окно да как прыснет в туман. Грязь прямо мне в лицо шлёпнулась, затрещали сучья,—и нет никого. Только дыра в тумане осталась, заплывает.

Но я всё-таки этого лосёнка поймал—не на хлеб, а на осиновую кору, на корыто с осиновым настоем.

Очень славный был этот лосёнок. Горбоносый, длинноногий, мягкий. Наверно, сиротка. Не иначе—медведь съел его мать, или какой-нибудь дурак-охотник застрелил матку на мясо.

Лосёнок научился есть хлеб, и кашу ел, и кар-

тошку. А посолишь посолонее — и ест лосёнок пожаднее. Видно, соль ему очень нравилась.

Вот так мы и жили.

Я ложки стругаю, лосёнок кашу ест с солью да горькие стружки сосёт.

Однажды заглянул я как-то в ларёк, а муки да крупы у меня уж немного. Я и выпустил лосёнка из стойла.

И что бы вы думали?! Лосёнок ко мне сам залез в землянку. Вот какой стал ручной да ласковый! Пришёл в землянку и стонет, по-лосиному мычит: ых! ых! ых! Просит соли.

Так жили мы с лосёнком целое лето.

А к осени ушёл лосёнок. Видно, в лесу увидел своих, пристал к ним и ушёл.

СОДЕРЖАНИЕ

Кот Елифан	3
Друзья	8
Свинья	11